

ИСТИННО НАРОДНЫЙ ТАЛАНТ

Мустаю Кариму присуждена Ленинская премия СССР

Мустаи КАРИМ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В дороге — ноги.
В песне — думы... Хочешь,
Прислушайся!.. Я по земле иду.
И днем по солнцу
и по звездам — ночью
Свой путь определяю на ходу.
Обжег в пути мне губы
встречный ветер,
И пыль годов я в волосах ношу.
В дверь постучав,
вхожу в дома под вечер,
В сердца стучу —
и дальше ухожу.
Но только тучи рано или поздно
Закроют солнце в серый день
тоски,
И слепнут звезды,
Слепнут даже звезды,
И в мгле Вселенной
не видать ни зги...
Когда кусок пути,
что мне назначен,
Тот, что зовется жизнью,
прохожу,
В глаза людей, как в звезды,
я гляжу

И слышу: так держать,
и не иначе...
И в ясный день,
и вечером морозным,
Чернее сумрак или зной лютей,
Я путь определяю
не по звездам,
А — как по звездам —
по глазам людей,
По радостным, печальным
и серьезным...
Гляжу в глаза,
чтобы с пути не сбиться,
Чтоб в песне не солгать,
не ошибиться.
1963.

Перевод Е. Николаевской.

Птиц

выпускаю...

Все завершил.
Покончил с мелочами,
И суета осталась позади...

И вот сейчас
с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.
Идущие на бой во имя чести!
Вам — первый дар,
всем прочим не в укор:
Для вас, взгляните,
в дальнем поднебесье
Орел могучий крылья
распростер.
Те, кто в пути!
Вам — добрым и усталым —
Шлю журавля сквозз ветер
в ранний час...
Кукушку, чтобы долго куковала,
Больные, выпускаю я для вас.
Влюбленные!
К вам соловей, неистов,
Рванулся — петь все ночи
напролет.
Томящиеся врозь!
Вам голубь чистый
К надеждам старым новые несет.
Отчаянных, и робких,
и недужных —
Всех одарю я,
всех вас птицы ждут...
Нет только ничего
для равнодушных,
Пускай без птиц —
как знают, так живут...
Все завершил.

Покончил с мелочами,
И суета осталась позади...
И каждый день
с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.
1970.

Перевод Е. Николаевской.

О, любовь!

Сколько робких ты сделала
смельными,
Взяв в мужнины
вчерашних детей,
Сколько каменных женщин
ты сделала
Мягче воска ладонью своей.
И каких краснобаев отчаянных
Ты сумела молчанием
И каким безнадежным
молчаливкам
Ты дала соловьиную речь.
Сколько судеб
безжалостно скомкала,
Сколько жизней ты оборвала,
Скольким смертным,
став вечными строками,
О любовь, ты бессмертье дала!
1973.

Перевод И. Снеговой.

Гражданская позиция, партийный подход к явлениям действительности помогают советским художникам постигать ведущие тенденции современности. Обращением к проблемам, волнующим нас сегодня, проникнуты произведения, отмеченные в нынешнем году высшей премией страны.

Философские размышления о жизни, о связи времен и поколений пронизывают повесть «Долгое-долгое детство» и трагедию «Не бросай огонь, Прометей!» народного поэта Башкирии Мустаи Карима. В творчестве замечательного мастера, широко известного далеко за пределами своей республики, привлекает умение воссоздать подлинно национальный колорит, истинно народные характеры. Это отличает и его новую повесть. А подвиг во имя людей, восславленный в новой песне поэта, служит нравственным уроком для современников.

Из беседы корреспондента ТАСС с председателем Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР Г. М. Марковым.

Нравственные уроки мастера

Каждая встреча с Мустаем Каримом — событие, оставляющее заметный след в душе. Так было и на этот раз, когда Мустафа Сафич пришел к нам в университет.

На сцену один за другим выходят студенты башкирского отделения филологического факультета и читают на родном языке стихи Мустаи Карима. А потом и сам он поднялся на трибуну и повел интересный разговор, словно размышляя вслух о жизни, о творчестве, о долге, о месте человека на земле. Это были настоящие нравственные уроки, значение которых трудно переоценить.

— Дорогие ребята, — начал он, обращаясь к тем, кто только что читал его стихи, — спасибо вам. Ваши выступления придали мне силу, и я сейчас, словно спиралью на ваши молодые плечи, скажу: пока есть на земле студенты — поэзия будет жить!

Мы, в вашем возрасте, знали меньше, были менее информированы. Но я не в обиде на свое поколение. Оно принадлежало полностью нашей Родине, и Родина опиралась на нас. Помню, я написал стихотворение про бойца, у которого вражеская пуля пробила комсомольский билет. А потом получилось так, что подобный случай произошел со мной...

Меня часто спрашивают, что сделало меня поэтом, и я отвечаю: потери и мечты.

Мустаи Карим поделился со студентами мыслями о высшем предназначении литератора.

Человек, назвавший себя поэтом или писателем, считает он, должен чувствовать большую ответственность перед обществом.

— Когда я пишу, — говорит

поэт, — у меня такое ощущение, что если я допущу хотя бы одно пустое слово, то нарушу гармонию души того, кто читает мою книгу. Писатель обязан своими книгами делать человека лучше и чище. В человеке, занимающемся творчеством, всегда должна присутствовать совесть: и в творчестве, и в жизни, и в быту.

Мустаи Карим ответил на многочисленные вопросы студентов. Его исчерпывающие ответы — тот же образцовый нравственный урок для молодежи.

Вопрос: Какую свою пьесу Вы считаете лучшей?

Ответ: Мне проще ответить: какая пьеса ближе мне. Это, прежде всего, трагедия «Салават». Ее герой, закованный в кандалы, не мог жить на коленях, поэтому он у меня ушел в море, а значит в бессмертие.

Вопрос: Как Вы относитесь к своим переводам?

Ответ: К хорошим — хорошо. Благодаря переводам советские люди имеют возможность знакомиться со всей нашей многонациональной и мировой литературой. Но мы должны так писать, чтобы нас принимали.

Вопрос: Как Вы относитесь к творчеству Чингиза Айтматов?

Ответ: Одним из самых больших достижений нынешней советской многонациональной литературы является творчество Чингиза Айтматова. Его книги сегодня печатаются более чем в 100 странах. Писатель он открытый и честный, глубоко партийный. Я очень люблю его.

Вопрос: Как Вы относитесь к любви? Бывает ли первая любовь? Вторая? Третья?

Ответ: Во все времена, с тех пор как появился человек, возникла и любовь. Какие я могу дать рецепты? Каждый человек — это планета и нельзя к нему подходить с меркой соседа. Но я одно знаю: любовь — это, пожалуй, самая большая ответственность, какую берут на себя люди.

Вопрос: Какой будет поэзия в XXI веке?

Ответ: Я не знаю какой будет поэзия в XXI веке. Но я знаю, какой была она в Древней Греции и Риме, какой была 2 тысячи лет назад. Говоря о поэзии будущего, можно предположить, что люди будут отправлять своих близких на межпланетных кораблях на другие планеты и галактики: будут радости встреч, слезы утрат, тоска и ожидание, печаль и гнев. Пока будут на земле жить эти категории, будет жить и поэзия.

Вопрос: Говорят: что современные женщины не женственны. Правда ли это?

Ответ: Пока будут рыцари-мужчины — будут и женственные женщины.

Вопрос: Как часто Вас посещает вдохновение?

Ответ: Жду, всю жизнь, когда придет ко мне вдохновение. Но когда я кладу на стол белый лист бумаги, я испытываю, прежде всего, большую ответственность перед теми людьми, для кого пишу. И вот написана первая строка. Я начинаю жить в другом мире, в другом времени...

На встрече присутствовала и заслуженная артистка Башкирии Зайнаб Назырова, которая читала стихи Мустаи Карима в переводе на русский язык. Знакомые, но всякий раз по особому неповторимые строки: «Я белый лист кладу перед собой...», «Мой край возлюбленный...», «Мужчины дарят женщинам цветы...», «Ты пишешь мне в печали и тревоге...» вызвали волну светлых мыслей и добрых чувств, как всегда это бывает, когда соприкасаешься с тем, на чем лежит отблеск вечности.

СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ

Это, конечно, не моя привилегия: она выпадала каждому. В каких только местах, в каком только окружении не слышал я этого имени: Мустаи Карим. По этому имени, как по паролю, определяли мою принадлежность к родному краю, по нему сверяли другие имена. «А-а, Мустаи! Башкирия!» — обнимали, как брата, в горах Алтая. «Как хорошо, что у вас есть он — это ваше счастье!» — с доброй завистью вздыхали братья-свердловчане, «Читайте, читайте еще!» — нетерпеливо подталкивали студентки пединститута в латышском городе Лиелая, когда в лекцию о башкирской поэзии я вставлял несколько отрывков из стихотворений Мустаи Карима.

Для творческой личности поэта, прошедшего испытание фронтом, присущи цельность, честность в оценке и переоценке жизненных явлений. Измена себе для таких натур, как Мустаи Карим, — это измена жизни, равновесная гибель.

Интерес к повседневному, к горючине обыденного, к

не потому ль был справедливым твоей язык, и сроду не расточал ты людям сладких слов?

И случайно ли, что этот герой стихотворения «Когда журавли прилетают», прошедший извилистой дорогой, но ставший воплощением прямоты в умении честно смотреть веку в глаза, так близок лирическому герою такой же итогово беспощадной и глухой поэмы А. Твардовского «За далью — даль»?

Жизнь народа — поистине казальский ключ, который дает поэту вдохновение. Народное и национальное начало обрело художественно-языковую «телесность», материальность в творчестве поэта. Откройте стихи «Людям снятся разные сны», «Неизвестному солдату», «Все просто», «Наступает вечер» или «Монологи Прометея», и вы увидите, как острота художественного видения помножилась в них на народную мудрость, народную неуспокоенность в постижении конечной истины. Со свойственным ему

опытом? «Конечно, став учителем жизни, писатель не может перестать учиться у жизни. Но его учение представляется как дискуссия с действительностью, как переосмысление ее с целью улучшения и обновления». Эти строки возникли как итог размышлений М. Карима о «великом человекопоклоннике» А. М. Горьком.

Жизнь всегда питала поэзию Мустаи Карима, но и его муза творит мир по законам подлинного искусства, творит его в споре с самым великим оппонентом — жизнью, отбрасывая из нее благородное, доброе, ведя борьбу против закоренелого, уныло-стандартного, пошлого, жестокого. Вполне закономерно, что именно ко времени главного испытания человечества — его борьбы с фашизмом — станут эмоциональный узел повести «Долгое-долгое детство». В минуты наивысшего напряжения духа автобиографического героя, лежащего раненым на поле боя, перед ним раскрывается смысл извечной борьбы света и тьмы жизни и

любви. вступил в спор с самим Зевсом и принес людям огонь. Как же воспринял это люди? Автор не отказывает им в знании, что огонь не только «погибель», «смутьян», «защитник сорвы», но и источник, способный осветить правду. Но это-то и вынуждает людей с ожесточением отвергать свое же благо: правда требует мужества. Что же движет Прометеем?

В чем источник его веры? Поиск ответов на эти вопросы и вывел нас на путь размышлений о нечеловеческой трудной должности честных вождей народа», о чем писал Горький в очерке «В. И. Ленин», о долге, который можно исполнить, лишь следуя заветам Прометея:

Учитесь делать из себя людей,
И только в этом ваше оправдание.

В этом деятельном призыве, обращенном и к тем, кто готов пока что предпочесть успокаивающую тьму, и к тому, кто должен набраться прежде всего отваги, терпения и веры.

М. Карим, вступив в спор с самим Зевсом и принес людям огонь. Как же воспринял это люди? Автор не отказывает им в знании, что огонь не только «погибель», «смутьян», «защитник сорвы», но и источник, способный осветить правду. Но это-то и вынуждает людей с ожесточением отвергать свое же благо: правда требует мужества. Что же движет Прометеем?

В чем источник его веры? Поиск ответов на эти вопросы и вывел нас на путь размышлений о нечеловеческой трудной должности честных вождей народа», о чем писал Горький в очерке «В. И. Ленин», о долге, который можно исполнить, лишь следуя заветам Прометея:

Учитесь делать из себя людей,
И только в этом ваше оправдание.

В этом деятельном призыве, обращенном и к тем, кто готов пока что предпочесть успокаивающую тьму, и к тому, кто должен набраться прежде всего отваги, терпения и веры.

М. Карим, вступив в спор с самим Зевсом и принес людям огонь. Как же воспринял это люди? Автор не отказывает им в знании, что огонь не только «погибель», «смутьян», «защитник сорвы», но и источник, способный осветить правду. Но это-то и вынуждает людей с ожесточением отвергать свое же благо: правда требует мужества. Что же движет Прометеем?

В чем источник его веры? Поиск ответов на эти вопросы и вывел нас на путь размышлений о нечеловеческой трудной должности честных вождей народа», о чем писал Горький в очерке «В. И. Ленин», о долге, который можно исполнить, лишь следуя заветам Прометея:

Учитесь делать из себя людей,
И только в этом ваше оправдание.

В этом деятельном призыве, обращенном и к тем, кто готов пока что предпочесть успокаивающую тьму, и к тому, кто должен набраться прежде всего отваги, терпения и веры.

М. МИНЕЕВ, кандидат исторических наук.

СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ

Это, конечно, не моя привилегия: она выпадала каждому. В каких только местах, в каком только окружении не слышал я этого имени: Мустай Карим. По этому имени, как по паролю, определяли мою принадлежность к родному краю, по нему сверяли другие имена. «А-а, Мустай! Башкирия!» — обнимали, как брата, в горах Алтая. «Как хорошо, что у вас есть он — это ваше счастье!» — с доброй завистью вздыхали братья-свердловчане, «Читайте, читайте еще!» — нетерпеливо подталкивали студентки пединститута в латышском городе Лиепая; когда в лекцию о башкирской поэзии я вставил несколько отрывков из стихотворений Мустая Карима. Для творческой личности поэта, прошедшего испытание фронтом, присущи цельность, честность в оценке и переоценке жизненных явлений. Измена себе для таких натур, как Мустай Карим, — это измена жизни, равносильная гибели.

Интерес к повседневности, к героичности обыденного, к нравственному миру современника, проявившийся во фронтовой поэзии Мустая Карима, стал одной из ведущих линий и в послевоенном его творчестве. Идеалом его поэзии становится человек — гражданин, осмысляющий жизнь и действующий с позиций коммунистической идеи.

По старому обычаю народа Тебе помазать губы каплей меда Мать не смогла...

Не потому ль Был справедливым твой язык, и сроду Не расточал ты людям сладких слов?!

И случайно ли, что этот герой стихотворения «Когда журавли прилетают», прошедший извилистой дорогой, но ставший «воплощением прямоты» в умении честно смотреть веку в глаза, так близок лирическому герою такой же итогово беспощадной и глубокой поэмы А. Твардовского «За далью—даль»?

Жизнь народа — поистине кастальский ключ, который дает поэту вдохновение. Народное и национальное начало обрело художественно-языковую «телесность», материальность в творчестве поэта. Откройте стихи «Любим снятся разные сны», «Неизвестному солдату», «Все просто», «Наступает вечер» или «Монологи Прометей», и вы увидите, как острота художественного видения помножилась в них на народную мудрость, народную неуспокоенность в постижении конечной истины. Со свойственным ему сосредоточенным прищуром, с грустью о былом смотрит поэт «годам вослед», осмысливая то, что было пережито и перечувствовано.

Каждый факт, с которым мы встречаемся в стихах Мустая Карима, заключает в себе и осмысление настоящего, и исторический опыт прошлого, и предуготовление будущего. Не оттого ли лирика его драматична? И не обогащается ли талант Мустая Карима-поэта его драматургическим

опытом? Конечно, став учителем жизни, писатель не может перестать учиться у жизни. Но его учение представляется как дискуссия с действительностью, как переосмысление ее с целью улучшения и обновления». Эти строки возникли как итог размышлений М. Карима о «великом человекоклоннике» А. М. Горьком.

Жизнь всегда питала поэзию Мустая Карима, но и его муза творит мир по законам подлинного искусства, творит его в споре с самым великим оппонентом — жизнью, отбирая из нее благородное, доброе, ведя борьбу против закостеневшего, уныло-стандартного, пошлого, жестокого. Вполне закономерно, что именно ко времени главного испытания человечества — его борьбы с фашизмом — стянут эмоциональный узел повести «Долгое-долгое детство». В минуты наивысшего напряжения духа автобиографического героя, лежащего раненым на поле боя, перед ним раскрывается смысл извечной борьбы света и тьмы, жизни и смерти.

Продолжив традицию исследования духовных истоков человека и его самоощущения во времени, М. Карим обогатил их чувствами и мыслями человека двадцатого века. Раскрывающийся во все более возрастающей сложности мир ставит перед автобиографическим героем, как и перед каждым человеком второй половины двадцатого века, главные вопросы о смысле, назначении жиз-

ни. Наполняя его ум знанием, жизненным опытом, этот мир не освобождает от мучений совести, от поисков ответа на новые вопросы. Вот почему, думается, так отзывчива на боль в людской судьбе, на трагическое напряжение духа во имя счастья эта повесть, со всей откровенностью ведущая разговор о самых трудных, порой кажущихся безысходными минутах в жизни человека, от которых веет дыханием трагедии. Это трагедия очищающая и возвышающая. И чем больше вчитываешься в судьбы персонажей повести, тем страстнее проникаешься верой в человека.

Как ступени восхождения к высшему добру, которое есть подвиг во имя правды, воспринимаются и судьбы трех светлых героев драматической трилогии Мустая Карима: Акъегета («В ночь лунного затмения»), Салавата («Салават»), Прометей («Не бросай огонь, Прометей!»). Нравственный, этический идеал поэта и драматурга наиболее полно воплотился именно в них, хотя все разнообразие человеческих идей и мнений отразилось и в других образах, в том числе антиподов главных героев. Однако истинные идейно-художественные находки и открытия сделаны Мустаем Каримом именно в исследовании коллизии род-личность, народ — личность, человечество — личность.

Вспомним наиболее драматический конфликт в последнем произведении. Титан Прометей, вдохновляемый земной

любовью, вступил в спор с самим Зевсом и принес людям огонь. Как же восприняли это люди? Автор не отказывает им в знании, что огонь не только «логический», «смутный», «защитник ссоры», но и источник, способный осветить правду. Но это-то и вынуждает людей с ожесточением отвергать свое же благо: правда требует мужества. Что же движет Прометеем? В чем источник его веры? Поиск ответов на эти вопросы и выведет нас на путь размышлений «о нечеловечески трудной должности честных вождей народа», о чем писал Горький в очерке «В. И. Ленин», о долге, который можно исполнить, лишь следуя завещанию Прометея:

Учитесь делать из себя людей, И только в этом ваше оправданье.

В этом деятельном призыве, обращенном и к тем, кто готов пока что предпочесть успокаивающую тьму, и к тому, кто должен набраться прежде всего отваги, терпения и веры, — актуальный смысл произведения Мустая Карима. Кайсын Кулиев писал: «Если бы я ничего не читал о Башкирии, кроме Мустая, то и тогда я мог бы считать, что знаю Башкирию и ее народ... Он тот поэт, который открыл нам, читателям, сердце и ум родного народа, донес до нас шуршание колосьев своей земли, запах ее хлеба, зажег для нас звезды того неба, которому удивлялся мальчик, лежа на траве».

Раиф АМИРОВ.

человека на земле. Это были настоящие нравственные уроки, значение которых трудно переоценить.

— Дорогие ребята, — начал он, обращаясь к тем, кто только что читал его стихи, — спасибо вам. Ваши выступления придали мне силу, и я сейчас, словно опираясь на ваши молодые плечи, скажу: пока есть на земле студенты — поэзия будет жить!

Мы, в вашем возрасте, знали меньше, были менее инфермированы. Но я не в обиде на свое поколение. Оно принадлежало полностью нашей Родине, и Родина опиралась на нас. Помню, я написал стихотворение про бойца, у которого вражеская пуля пробила комсомольский билет. А потом получилось так, что подобный случай произошел со мной...

Меня часто спрашивают, что сделало меня поэтом, и я отвечаю: потери и мечты.

Мустай Карим поделился со студентами мыслями о высоком предназначении литератора.

Человек, назвавший себя поэтом или писателем, считает он, должен чувствовать большую ответственность перед обществом.

— Когда я пишу, — говорит

Вопрос: Какую свою пьесу Вы считаете лучшей?

Ответ: Мне проще ответить: какая пьеса ближе мне. Это, прежде всего, трагедия «Салават». Ее герой, закованный в кандалы, не мог жить на коленях, поэтому он у меня ушел в море, а значит в бессмертие.

Вопрос: Как Вы относитесь к своим переводам?

Ответ: К хорошим — хорошо. Благодаря переводам советские люди имеют возможность знакомиться со всей нашей многонациональной и мировой литературой. Но мы должны так писать, чтобы нас принимали.

Вопрос: Как Вы относитесь к творчеству Чингиза Айтматова?

Ответ: Одним из самых больших достижений нынешней советской многонациональной литературы является творчество Чингиза Айтматова. Его книги сегодня печатаются более чем в 100 странах. Писатель он открытый и честный, глубоко партийный. Я очень люблю его.

Вопрос: Как Вы относитесь к любви? Бывает ли первая любовь? Вторая? Третья?

Ответ: Во все времена, с тех пор как появился чело-

Вопрос: Как часто Вас посещает вдохновение?

Ответ: Жду, всю жизнь, когда придет ко мне вдохновение. Но когда я кладу на стол белый лист бумаги, я испытываю, прежде всего, большую ответственность перед теми людьми, для кого пишу. И вот написана первая строка. Я начинаю жить в другом мире, в другом времени...

На встрече присутствовала и заслуженная артистка Башкирии Зайнаб Назырова, которая читала стихи Мустая Карима в переводе на русский язык. Знакомые, но всякий раз по особому неповторимые строки: «Я белый лист кладу перед собой...», «Мой край возлюбленный...», «Мужчины дарят женщинам цветы...», «Ты пишешь мне в печали и тревоге...» вызвали волну светлых мыслей и добрых чувств, как всегда это бывает, когда соприкасаешься с тем, на чем лежит отблеск вечности.

М. МИНЕЕВ, кандидат исторических наук.

Ирек Киньябулатов

Нам повезло

Мне повезло. Мне повезло во многом. Не знаю, повезло ль со мной другим... Мустай Карим.

Нам повезло с тобой — поверь моим словам, Спроси страну — она ответит то же, Нам больше повезло с тобой, быть может, Чем самому тебе — ты отдал все стихам.

Нам повезло с землей, где ты живешь любим. И боль твою и радость с нашей кровью Земля сроднила, словно мать, любовью И наградила воздухом одним. В большом костре, чей свет неугасим, Мон слова не больше искр мелькнувших. Где б ни были мы — именем твоим Встречают нас хозяйва радужно. Из мудрых слов твоих, из твердых, честных строк Башкортостан всем людям стал известен, И если высока поэта песня, Все понимают: край его высок! Перевод Ю. Андрианова.

Гордимся земляком

Каждый, кто живет в Башкирии, имеет право называть себя земляком Мустая Карима. Но мы, жители села Кляшево, горды этим званием вдвойне: здесь, на нашей прекрасной земле, у Мустая Карима родина, здесь родился его талант.

Конечно, звание народного поэта Башкирии говорит о том, что творчество Мустая Карима — достояние всего башкирского народа, а присуждение ему Ленинской премии еще раз, на самом высоком уровне подтверждает огромный его вклад в советскую литературу, в общую многонациональную социалистическую культуру. Нам же, его землякам, особенно дорого и свято, что этой высокой наградой отмечена повесть «Долгое-долгое детство», герои которой жили, трудились, страдали и любили на земле, где живем и трудимся мы.

Мустай Карим — дорогой и близкий нам человек. Часто Мустай призывает в родные

края, встречается с колхозниками. Мы привыкли делиться с ним своими заботами и планами, он откровенно рассказывает о своих делах, замыслах. Мы всегда можем рассчитывать на добрый совет, подсказку и прямую помощь Мустая в таких, казалось бы, дележках от литературы делах, как приобретение техники, строительство школы и детского сада, переоборудование и оформление сельского Дома культуры, который, кстати, сейчас лучший в районе. Но главное в том, что встреча с Мустаем Каримом и его поэзией всякий раз возвышает, дает мыслям серьезное, глубокое направление, заставляет думать о вещах необыденных.

Я думаю, в этой неразрывности с родной землей, с людьми и состоит сила таланта Муста Карима, источник его вдохновения, принесших ему всенародное признание.

Фотат МУРАТОВ, тракторист колхоза «Дим» Чишминского района.

На снимках: Мустай Карим среди строителей объектов Уфимского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

В кругу семьи. Фото В. Вонога, В. Фомина.